

Корейские сюжеты

Андрей Николаевич
Ланьков – специалист по
истории Кореи, кандидат
исторических наук,
преподаватель
Австралийского
государственного
университета (г. Канберра).

Татьяна Валерьевна
Габрусенко – кореевед,
докторант Австралийского
государственного
университета (г. Канберра).

«Мужчина – Небо, женщина – Земля». Этот конфуцианский постулат на многие века определил положение женщины в Корее. По смыслу он близок к нашему «курица не птица». Патриархальный фольклор любого народа щедр на подобные высказывания. И все-таки положение женщины в жестко регламентированном конфуцианском обществе отличалось особой приниженностью. Если в патриархальной, но безалаберной России время от времени могли появляться Марфы-Посадницы, то в Корее это было совершенно исключено. В корейском фольклоре вы не найдете не только думающей, но и действующей положительной героини. Вместо этого будет красавица, которая сидит и покорно ждет своей участи. А там уже выходит замуж или бросается в речку – как старшие скажут.

Статьи, которые мы предлагаем вам, посвящены разным эпохам и разным аспектам жизни корейских женщин. Однако влияние конфуцианства прослеживается везде.

Гарем... С давних времен слово это вошло в воображение наших соотечественников, которых христианская церковь вот уже тысячу лет упорно (и не всегда успешно) воспитывает в духе единобрачия. Однако за пределами христианского мира гаремы существовали повсюду, и Корея не была исключением в этом плане: вплоть до середины XX в. корейские законы разрешали мужчинам иметь наложниц. Однако на практике законом пользовались немногие, поскольку большинству это было просто не по карману. Правда, в некоторых общественных слоях (например, среди богатых купцов) наличие симпатичной молоденькой наложницы в задних покоях особняка было столь же обязательным, как наличие «Мерседес-600» в гараже русского банкира. Как и «Мерседесы» в наши дни, на-

ложницы были тогда предметом роскоши, пусть и несколько своеобразным. Правда, сколько бы наложниц у корейца не было (редко даже самый богатый человек мог содержать больше двух-трех), жена у него была все равно только одна, и только она пользовалась соответствующими юридическими правами.

Не удивительно, что больше всего наложниц имел король. Однако и у корейского короля была только одна жена. Между главной женой и наложницами лежала пропасть, практически непроходимая. Конечно, король мог, если ему уж очень хотелось, развестись с женой и официально провозгласить новой женой бывшую наложницу. Такие ситуации в корейской истории действительно случались (например, так поступил король Сукчжон в конце XVII в.), однако очень редко.

Во-первых, королева обычно происходила из какого-либо влиятельного аристократического рода, и ее многочисленные родственники вполне могли за нее постоять. Например, развод того же Сукчжона (который в итоге пришлось аннулировать) вызвал немало политических проблем самого серьезного свойства. Наложницы же были, как правило, если и не простолюдинками, то уж, по крайней мере, происходили из довольно захудалых дворянских родов, за их спинами не было влиятельных и богатых семей, так что соперничать с королевой на равных они не могли. Во-вторых, развод с женой считался поступком не совсем достойным короля. Поэтому, как бы король ни относился к королеве, она обычно оставалась его женой, хозяйкой дома (точнее, дворца) и официальной соправительницей страны.

Впрочем, сказать, что корейская королева была соправительницей, было бы некоторым преувеличением. Она, правда, участвовала во многих официальных (как мы сейчас бы сказали, «протокольных») мероприятиях), но в целом женщинам в старой Корее в политику открыто вмешиваться не полагалось. Однако порой королевы обладали огромной реальной властью. В конце XIX в., например, именно королева Мин, жена последнего корей-

ского короля Кочжона, во многом определяла внутреннюю и внешнюю политику страны (кстати сказать, во внешней политике королева находилась на прорусских позициях, что и стало одной из причин ее гибели — ее в конце концов убили японские агенты). Однако формально, повторяю, жены корейских королей должны были вести себя как тихие затворницы.

Кстати сказать, известное суждение о том, что «жениться по любви не может ни один, ни один король» вполне относится и к корейским владыкам. Жену для короля подбирали родители или, если король вступал на престол малолетним, регентский совет, и исходили они при этом вовсе не из личных симпатий короля, а из сложных политических расчетов. Если жена королю не нравилась — в его распоряжении были наложницы, которых он выбирал сам, однако выказывать формальное почтение жене он был обязан все равно.

Итак, наложницы. Часто спрашивают, сколько их было? Никаких ограничений не существовало. Обычно официально признанных наложниц было 10–15, но в распоряжении короля были также и *кунънён*, то есть, в буквальном переводе — «женщины дворца». *Кунънён* являлись дворцовыми служанками.

Сучжон, последний король династии Ли.

Королева Мин в дворцовом одеянии.

Жизнь королевского двора подчинялась многочисленным ритуалам.

Они мыли, убирали, стирали, готовили и делали тысячи прочих дел, без которых невозможна жизнь огромного дворцового комплекса. Однако куньнё были не просто служанками. На момент «поступления на работу» они должны были быть девственницами и считались потенциальными наложницами короля. Король мог провести ночь с любой приглянувшейся ему служанкой, а сексуальная связь куньнё с любым другим мужчиной приравнивалась к измене супругу, то есть самому королю (даже в том случае, если король и в глаза не видел виновницу).

Набирали куньнё один раз в десять лет, при этом и они, и их родители должны были обладать хорошим здоровьем, а также не иметь среди своих предков осужденных за уголовные или политические преступления. Обычно на службу во дворец отбирали совсем маленьких девочек, которым было только 5–6 лет. Первые 15 лет жизни во дворце считались временем ученичества, после чего девушки получали звание «дворцовой прислужницы». Любопытно, что проводившаяся по этому случаю церемония была копией свадебного ритуала. Единственное отличие заключалось в том, что на этой «свадьбе»... отсутствовал жених: ведь «виртуальным женихом» был сам король. Даже если куньнё с годами покидала дворцовую службу и возвращалась в «большой мир», вступать в брак она не могла, поскольку до конца жизни она формально оставалась «резервной наложницей» Его Величества.

Каждая из «женщин дворца» мечтала стать настоящей наложницей, «хозяйкой задних покоев». Для этого, во-первых, куньнё должна была провести с королем ночь (под-

няться до «королевской милости»). «Королевская милость» доставалась, однако, немногим. У большинства прислужниц жизнь проходила на кухнях и в прачечных, в вышивальных мастерских и кладовых дворца, то есть там, куда Его Величество, понятное дело, не заглядывал, и где шанс попасться королю на глаза и привлечь к себе его внимание был практически равен нулю. Но даже одна или две ночи, проведенные в королевской постели, значили не очень много. Как правило, для того, чтобы стать официально признанной наложницей, женщина должна была родить королю ребенка. Из 300–400 находившихся во дворце куньнё полноправными королевскими наложницами обычно становились лишь 10–15. Большинству же «дворцовых служанок» оставалось надеяться на то, что со временем они смогут сделать карьеру и дослужиться, скажем, до «старшей служанки», своего рода фрейлины. «Старшие служанки» или непосредственно прислуживали королеве и наложницам, или же были начальницами всяческих дворцовых хозяйственных служб.

Однако, с политической точки зрения, главная задача наложниц заключалась вовсе не в том, чтобы время от времени разделять с королем ложе и радовать его своими прелестями. На них возлагалась куда более важная миссия: обеспечивать стабильность династии, производя на свет сыновей — потенциальных наследников. По корейским законам король назначал официального наследника почти сразу же после вступления на престол. Традиция требовала отдавать предпочтение сыновьям от жены (если, конечно, таковые были), а не от наложниц, но традиция эта часто нару-

Кисэн, принадлежащие королевскому дворцу, в одежде для танцев перед выступлением.

шалась. Наследником мог быть любой из его обычно многочисленных сыновей — не обязательно старший. Историки подсчитали, что только каждый четвертый корейский король был из числа старших сыновей. Если король был бездетным, он мог назначить наследником престола своего брата, племянника или иного близкого родственника. Однако подобное решение было чревато смутой, поэтому для обеспечения устойчивости династии необходимо было, чтобы король имел как можно больше сы-

новей. Официально утвержденный наследник ведь всегда мог умереть (детская смертность в те времена была очень высокой), и потенциальная замена ему была жизненно необходима. Именно этим и объясняется наличие наложниц, задача которых была проста: рожать резервных наследников — чем больше, тем лучше.

Не удивительно, что корейские короли отличались многодетностью. Например, у Тхэчжона (годы правления 1400–1418) было 29 сыновей и дочерей, а у Сончжо

Старшая фрейлина.

Евнух.

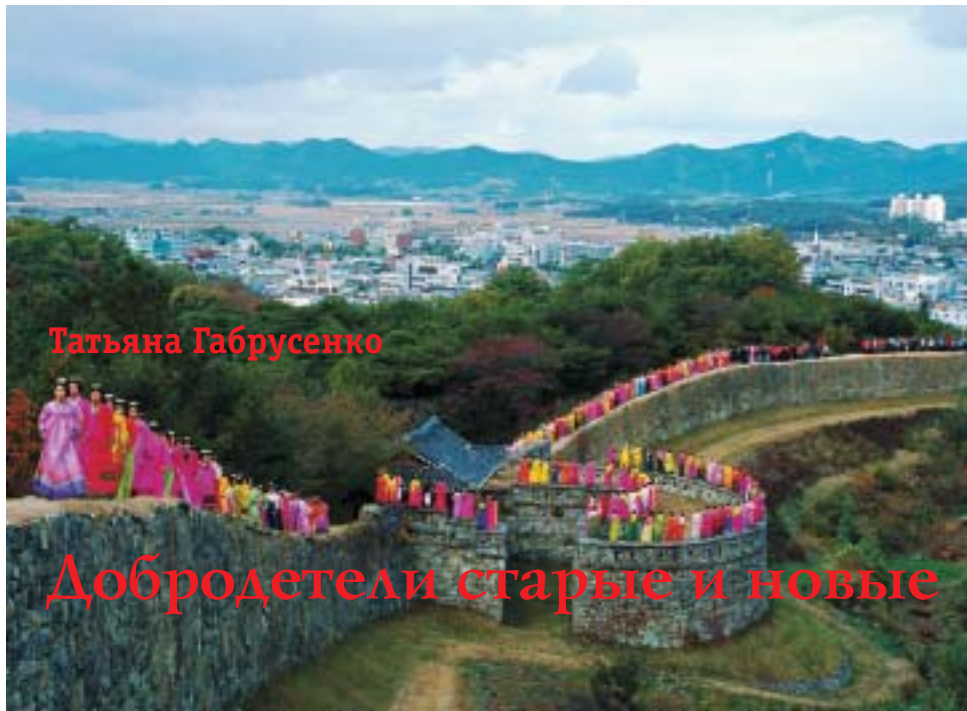
Будущая кисэн.

(1567–1608) — 25. Причем дети, умершие в младенчестве (а таких в те времена было немало), не учитывались. Конечно, в этом отношении корейские короли не идут в сравнение со многими владыками мусульманского мира, некоторые из которых имели сотни детей, но ведь и наложниц у иного султана тоже могло быть несколько сотен.

Так что корейский вариант гарема во многом отличался от варианта ближнево-

сточного. Главное отличие заключалось в том, что корейские королевские наложницы и официально, и по сути были не такими бесправными, как женщины султанских и ханских сералей, находившиеся под полным контролем надсмотрщиков-евнухов. Это и понятно: ведь они были не пленницами и даже не крепостными и сохраняли связи с миром за пределами дворца.

Многие россиянки, общаясь с незамужними кореянками, с удивлением замечают, что эти «восточные женщины», с виду воплощение традиционных добродетелей, в массе своей не обладают добродетелью, которая в России считается чуть ли не основной для женщины — они не умеют готовить. Совершенно. И никаких комплексов по этому поводу. Напротив, порой даже с неким кокетством заявляют, что максимум, чему они научились за свою 20–30-летнюю жизнь — это заваривать кипятком рамен, быстрорастворимую лапшу.

Как ни покажется это странным, но умение готовить не входит в традиционный комплекс добродетелей девушки в Корее. Здесь дочь с рождения была чужой, заранее принадлежавшей не родному дому, а дому будущего мужа. «Милый вор» — так называли в Корее в родной семье дочь, вышедшую замуж. Этим выражением определялось многое — и брачное содержание дочери, и сва-

дебные расходы, и подарки родне, и те вещи, которые замужняя дочь, приходя в родительский дом погостить, выпрашивала у них. С традиционной точки зрения, все эти траты для семьи напрасны. «В доме с пятью дочерьми двери не запирают», — гласит старая поговорка. То есть дочери представляют собой черные дыры в семейном бюджете, истощая родную семью расходами на себя настолько, что и воровать в их родных домах нечего. Сын-то потом окупался — он заботился в старости о родителях, справлял поминки по ним после смерти. А дочь была бесполезной приживалкой, и ей это постоянно давали чувствовать (не родители, так родственники или соседи), внушая невротическую смесь стыда и вины за свой пол. От этого комплекса многие корейские женщины не могут избавиться и сегодня.

По причине «бесполезности» дочерям старались и не прививать никаких особых навыков. Ведь научить их домашним кулинарным или хозяйственным секретам озна-

чало добровольно раскрыть эти секреты чужим семьям. Зачем? Умение по-особому приготовить *тток* (отбивной рисовый хлеб) или сшить *ханбок* (корейский национальный костюм) за одну ночь, да при этом скроить ткань без лишних обрезков, могло не только вполне реально улучшить благосостояние семьи, но и в определённые моменты спасти ее. Конечно, в бедных домах девочка с малолетства помогала матери по хозяйству, но она лишь послушно и дисциплини-

нию мужниной семьи. Одна знакомая кореянка, девушка болезненная, худенькая, с постоянными расстройствами пищеварения, рассказывала мне, что в детстве была шумным, крепким и подвижным ребенком, и это очень тревожило ее мать, видевшую в живости дочери избыток пресловутого ян. Мать всячески старалась обуздать ее активность, то и дело приказывала «сидеть тихо и ничего не делать» и при любом удобном случае ограничивала ее в еде, не давала мяса, яиц и про-

Син Юн-бок. Весенняя прогулка.

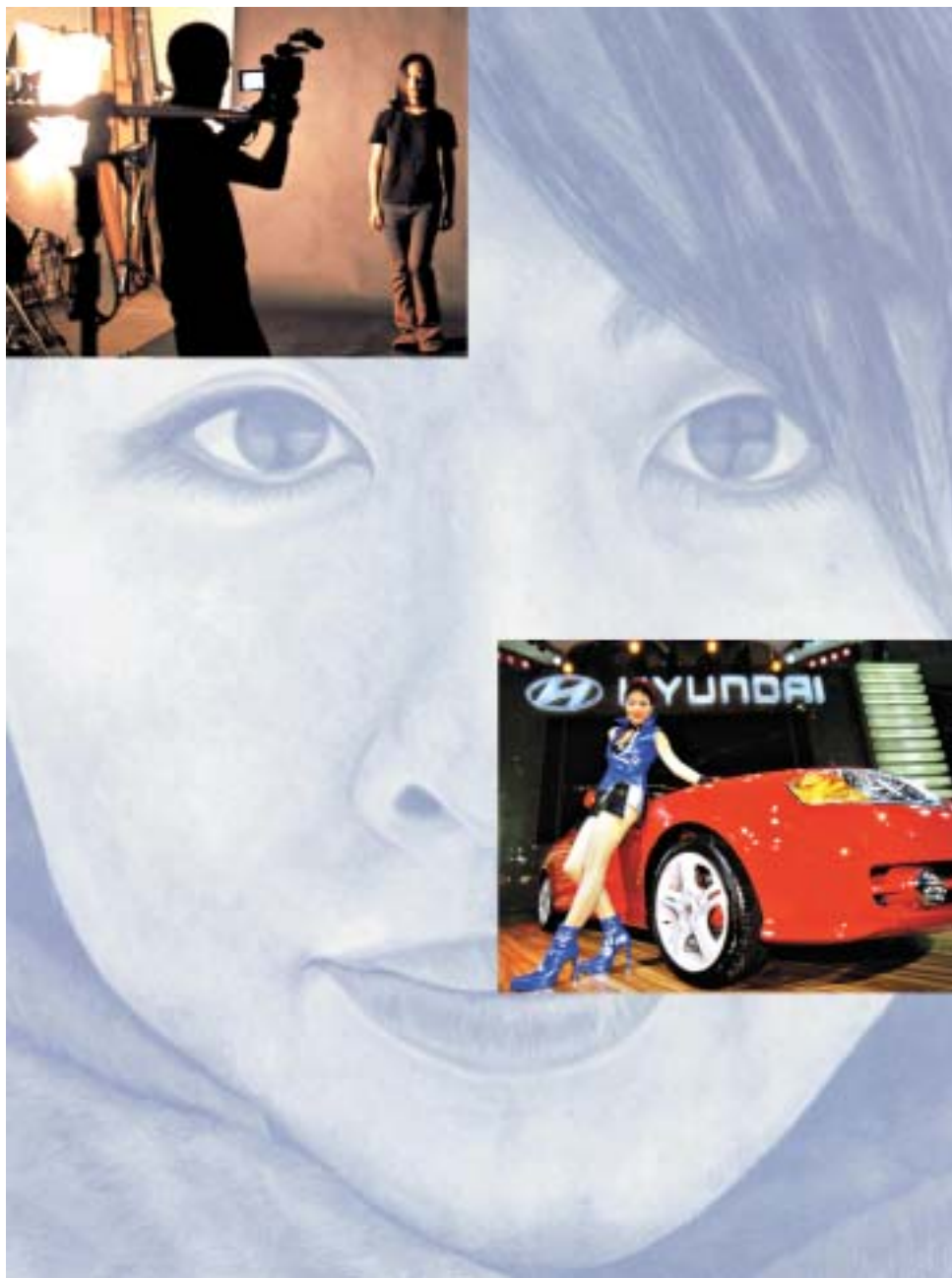
рованно выполняла простейшие задания. Считалось, что по-настоящему научить женщину секретам домашнего ремесла должна свекровь или любая другая старшая женщина из рода мужа. В этот дом невестка по идее должна была приходить как чистый лист бумаги. Если учесть, что невестке порой бывало лет 10–12 (а то и меньше — если ее брали в качестве *минмёнйри* — невестки, которая должна была вырасти в доме мужа), странным такой обычай не покажется.

Но неужели в родном доме корейскую девочку ничему не учили? Учили, разумеется, но чаще всего только конфуцианским нравственным нормам. Робкая, слабая, бессловесная, терпеливая, покорно выполняющая любое приказание — такова была идеальная корейская невеста и невестка. Марья-искусница или Василиса Премудрая — это не корейские героини. Корейцы сказали бы, что в такой женщине — избыток мужского начала *ян*, и она может разрушить духовную гармо-

чих «возбуждающих жизненную энергию» продуктов. В результате добилась своего — от детской резвости в этой 20-летней девушке не осталось и следа.

Неумение наладить свой быт и поразительный инфантилизм у девушек сохраняются вплоть до замужества — а замуж сегодня их выдают лет в 27–29. Слабость у них до сих пор в почете — этим объясняется манера кореянок волочить при ходьбе ноги и постоянно охать. Корейские девушки легко мирятся с грубостью со стороны своих бой-френдов (парню ничего не стоит на людях стукнуть свою подругу-студентку по лбу или врезать ей кулаком промеж лопаток — это вызывает лишь ужимчивый хохоток с ее стороны)...

Странной многим из нас кажется и та обстановка секретности, которой корейская хозяйка до сих пор окружает свои методы ведения домашнего хозяйства и в особенности — кулинарные рецепты. В отличие от простодушных российских домохозяек, которые

в гостях наперебой делятся друг с другом секретами своих «оливье» и «наполеонов», кореянка о своих домашних рецептах предпочтет помалкивать. Это — ее семейная святыня, ее Самый Большой Секрет.

Однако жизнь не стоит на месте, и многое в современной Корее меняется. Все большее влияние приобретают в Корее феминистские идеи. У феминистского движения есть смешные и нелепые стороны, особенно в развитых странах, таких как Америка или Австралия. Однако в Корее, с ее давними традициями подавления личности женщины, для феминисток есть гектары непаханой целины. Обработкой ее они и занимаются сей-

час — стараются оградить студенток от вполне реальных, а не мифических, как в Америке, сексуальных домогательств преподавателей, на службе — от приятельского «лапания» коллег, пытаются предотвратить случаи сексизма (предубеждения по признаку пола) при приеме женщин на работу, защищают интересы женщин в судах, где слушаются дела об изнасилованиях или разводах, и так далее. Цель деятельности корейских организаций по защите прав женщин — освободить корейскую женщину от зависимого, приниженного состояния, узаконенного традицией, научить ее достойно и аргументированно (а не визгами и истериками) отстаивать свои

интересы — представляется весьма реальной и достойной.

Другой приметой общественных перемен в Корее становятся более близкие и сердечные отношения матерей и дочерей. Страна богатеет, и вместо первобытной целесообразности все большую роль в человеческих отношениях стали играть личные эмоции. Корейские матери начинают по-новому относиться к девочкам. Известная в Корее деятельница женского движения, тележурналистка и писательница О Сук Хи написала замечательную автобиографическую книгу «С надеждой к моим дочерям». Разведясь с мужем, она осталась с двумя девочками. Последний факт уже сам по себе считается в Корее постыдным для матери — ведь она не смогла родить сына. К тому же вторая дочка оказалась от рождения глухонемой, а любой физический дефект издавна считался в корейском обществе позорным. О разводе и говорить нечего — стыд, срам, унижение... В общем, свидетельств ее женской несостоятельности, в понимании толпы, было больше чем достаточно. Но О Сук Хи, женщина веселая, сильная и здравомыслящая, и не думала сгибаться под гнетом несуществующей вины. Своим дочерям она дала гордые, красивые имена — а это в Корее имеет особый смысл. Дочерей же О Сук Хи зовут Хи Рок и Хи Рён. Иероглиф «хи» означает надежду (вот почему книга названа «С надеждой к моим дочерям»), «рок» — зеленая (здесь в смысле «цветущая», «сильная», «здоровая»). «Мама, а что означает мое имя?» — «Оно означает, что ты моя надежда, что ты будешь крепкой и сильной, как зеленая сосенка». Младшая дочка не может задать матери такого вопроса, но ее имя звучит еще более гордо. Она родилась второй девочкой в семье, но не стала по этой причине объектом досады и раздражения («Опять девчонка!»). Иероглиф «рён» означает президент (влиятельное лицо, важный пост). «С надеждой на то, что ты будешь президентом»? Не обязательно президентом, но ты многого добьешься...

Конечно, перемены в положении женщины в Корее не столь стремительны, как может быть, хотелось бы кому-то. Традиционный институт свекровей, например, способен попортить немало крови молодым женам. Но индивидуализация общественного сознания и общее улучшение качества жизни и здесь делают свое дело. Женщина 55 и старше сегодня в Корее полна сил и энергии, и, что немаловажно, располагает материальными возможностями. Общество может предложить сегодня ей удовольствия куда более разнообразные, чем национальный ко-

рейский спорт — «третирование невестки». И многие из свекровей новыми возможностями пользуются — ко всеобщему удовлетворению.

Итак, жизнь меняется. Взять хотя бы маленький пример. Когда в 1995 г. я приехала в Корею и стала ходить там в сандалиях на босу ногу, на меня так заюкали языками, что я испугалась и тут же надела положенные по местному этикету туфли. Но уже через пару лет прогулка по сеульским улицам в шлепанцах и босоножках без носков стала совершенно обыкновенным делом. Глядишь, скоро и босиком пройтись будет можно — освобождаются женщины. И наверняка, следующие поколения девушек в Корее будут более самостоятельными и приспособленными к жизни, перестанут приволакивать ноги с целью разжалобить окружающих, прекратят жеманно жаловаться на выдуманные хвори и стрессы. Но как же с готовкой? Освободив-

шись от пут традиционной морали — научатся ли, наконец, корейские девушки готовить?

Делать прогнозы, как известно, неблагодарное занятие, но я все-таки рискну. По моим ощущениям — нет. К счастью или увя — как вам больше нравится. И вот в этой перспективе повинна действительно эмансипация. Развитие корейского общества посте-

ленно приводит его к тому состоянию, о котором мечтали коммунары на заре Советской власти. А мечтали они, как известно, о некоем идеальном обществе, в котором граждане будут ходить обедать в общественные столовые, детей сдавать в детсады и ясли, а сами предаваться всевозможным свободным занятиям. По мере взросления Советского государства эти прожекты были объявлены бредовыми и противоречащими самой сути человеческой природы, тяготеющей к личному борщу. Однако антикоммунистическая Южная Корея всем своим современным бытием доказывает, что ничего бредового в этих идеях нет. Разумно организованная система общественного питания (правда, при господстве частной собственности) действительно способна вытеснить хозяйку с ее вековой позиции у плиты, не снижая при этом качества еды и не вызывая падения общественной морали. Вкусные разнообразные и дешевые ресторанчики настолько вошли в быт нынешних корейцев, что представить себе жизнь без них уже, похоже, невозможно. Никому в Корее не приходит в голову таскать с собой на работу домашние обеды, как это делает до сих пор большинство не только

россиян, но и, к примеру, австралийцев. Зачем, если можно вкусно, дешево и в веселой компании пообедать в соседнем ресторане? Зачем заготавливать на зиму *кимчи*, если супермаркет поставяет ее по приемлемой цене и в таком разнообразии видов, обеспечить которые не может ни одна домашняя хозяйка? Зачем вставать на рассвете и готовить мужу на рыбалку завтрак, если его можно купить по дороге в недорогой харчевне? Деньги — те же, а хлопот... Вот и получается, что от домашнего хозяйства и круговерти у плиты понемногу отвыкают в Корее не только юные девушки, но и вполне солидные матроны.

...Изящно перепархивая из конфуцианского феодализма в буржуазный коммунизм, корейские девушки готовить, похоже, так и не научатся. Но стоит ли так уж возмущаться по этому поводу? Вот не умеем мы с вами, уважаемые современные русские хозяйки, ткать. И пряхть не можем, хотя это, не спорю, очень женственно, поэтично и даже музыкально. И жать серпом нам как-то не приходится. Но ведь не сгораем мы с вами от стыда по этой причине. Ну, не умеют корейские девушки готовить. Но, может быть, им это просто не надо?

Благодарим Культурно-информационную службу Посольства Республики Корея за предоставленный изобразительный материал.

В оформлении статей использованы иллюстрации из следующих изданий:

Журнал «Pictorial Korea».

Корейская народная картина (на кор. яз.). — Сеул, 1994.

Пак Чанг Хе. Изучение дворцовой живописи периода Чосон (на кор. яз.). — Сеул, 2000.

Период династии Ли в фотографиях, т. 2 (на кор. яз.). — Сеул, 1987.